

О том, какие события происходили в революционные дни в российской столице – Петрограде, в Москве и других больших городах, хорошо известно из документальной и художественной литературы. Куда меньше осталось свидетельств об обстановке в донских станицах, и особенно в хуторах, которая воцарилась в конце 1917-го и в начале 1918 года. Как вели себя простые казаки, на что надеялись и от чего страдали? Кто ещё участвовал в трагических событиях смутного времени?

Обо всём этом рассказывается в литературных зарисовках нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Хутор у Донца

(Продолжение. Начало – в №№ 1, 3, 5, 8, 10, 12, 14, 16, 21, 23, 25 за 2024 год).

В расхлябанном составе, но с сохранением остатков бывшего когда-то незыблемым воинского порядка, возвратился на Дон в декабре 1917 года некогда прославленный 10-й Донской генерала Луковкина полк.

Как будто на станции Каменской за предыдущие четыре года ничего не изменилось. То же строгое здание. Пакгаузы из красного кирпича с высокими цоколями из камня-дикаря. Круглые часы с чёрными, никогда не останавливающимися стрелками. Но оказалось, что эти станционные часы начали отсчитывать уже совсем другое время.

На Антона Швечикова, молодого подхорунжего с необтёртыми погонами, вызывающе подозрительно посмотрел бойкий железнодорожник, загнавший полковой эшелон на запасной путь и следивший за выгрузкой имущества в подогнанные сани-розвальни.

Цепочка таких саней вытянулась в сторону станицы Гундоровской. По нижней казачьей дороге, проходившей в пойме Северского Донца, возвращались казаки к себе в станицу и на хутора. Совсем не так они мечтали когда-то вернуться к своей родине. Ехали молча, без песен, предвкушая только скорую встречу с жёнами и детьми, повзрослевшими братьями и сестрами и постаревшими родителями.

На станции Каменской однополчане случайно повстречали инвалидничавшего с осени четырнадцатого года урядника Константина Просцова. Тот Антону, как будто промеж делом, сказал загадочную фразу:

- А тебя, Швечиков, в курене прибавление ждёт...

Антон у быстро уехавшего от эшелона Просцова ничего толком выспросить не успел и поэтому ехал по заснеженной степи, размышляя, какое это прибавление у них в швечиковском курене может быть. Не мальчик же или девочка? Матери его за сорок, да и не мог он такого предположить. А если б был это телок или ягнёнок, то об этом так бы безногий Просцов загадочно не говорил.

Но всё прояснилось прямо у заметных снегом ворот швечиковского подворья. От калитки вели большею частью следы к крыльцу. И такими же следами покрывалась была дорожка к

Жилище казака – курень казачий.

хлеву, курнику и дровяному сараю.

После радостных материнских криков Матрёны Швечиковой при встрече на пороге куреня долгожданного сына стало ясно, что за прибавление появилось у них в семье. В правом красном углу, под образами, сидел торжественно-напряжённый мужчина страшно больших размеров. То, что это был не казак, сразу стало понятно по его обличью и не совсем привычному говору. Если казаки гундоровского юрта на хохлацкой мове говорили скорее по привычке от общения с жителями соседних крестьянских слобод, то приветствовавший Антона новый в курене человек выговаривал украинские слова старательно, а не скороговоркой.

Оказалось, что летом 1917 года в хутор Швечиков пришли несколько славцев, так называли в гундоровских хуторах уроженцев соседней Екатеринославской губернии, на подработку в наймы для уборки урожая и поправления хозяйств, захиревших после ухода на войну казаков. Трофим, так звали этого славца, помог Матрёне с управкой на казачьем пае, поправил все изгороди, сараюшки и катухи, да так и остался у вдовы жить в приймаках.

Нравы на хуторе за лихое военное время уже помягчали, и почти все соседи по хуторской улице, а тем более по вдовьему кутку, отнеслись к этому событию снисходительно.

Словно оправдываясь, Матрёна стала говорить раздевавшемуся в горнице Антону:

- Не писала я тебе об этом, сыно-

Рисунок 1918 года
«Казачка с раненым казаком».

чек... Думала так: приедешь, сам посмотришь и, может, одобришь, - робко заглядывала она в возмужавшее лицо сына.

- Поступайте, как знаете, мама. Это ваша жизнь, я вам не судья и не указчик. А сейчас-ка, соберите на стол. По домашней еде ой как соскучился.

С этими словами он сгрёб свою амунцию в охапку и пошёл устраиваться в запечек, небольшой тёплый уголок за жарко растопленной печью. Навесил на кованный гвоздь с квадратной

головкой давно не чернённую португалью с шашкой, вещмешок с широкими простроченными лямками, длинную кавалерийскую шинель и роскошную, с красным верхом, по-видимому генеральскую, мерлушковую папаху, купленную по случаю на одной из станций по пути из Петрограда на Дон. Шерстяной офицерский китель аккуратно повесил на старенький венский стул и стал разбираться с пожитками в походном сундучке, который он завёл во время действительной казачьей службы в польском городке Замостье.

Общих тем для разговора с Трофимом Забродько сразу не нашлось. Фронтовиком Трофим не был. По возрасту и состоянию здоровья был он определён в местную ополченскую команду в Екатеринославле, и после событий октября семнадцатого года команда тихо и без препятствий со стороны своего спокойного начальства разбежалась.

О хозяйстве говорить Трофиму вроде б тоже не пристало. Не его это хозяйство, а пришедшего с фронта Антона. Так и промолчали б они этот первый вечер, если б не примчавшийся с большой бутылкой первача сослуживец Антона Дык-Дык. Он прибежал после бани, набунчил свой пышный, давно не стриженный чуб, и, заглянув несколько раз в настенное зеркало у входа, весело объявил:

- А ну, казачки, гуляем по случаю нашего в жизни этой сохранения и долгожданного в хутор возвращения.

С этого вечера и втянулись хуторские казаки в то, что они потом называли в шутку великой пьянкой после великой войны. По хозяйству делать было решительно нечего. Намело снега чуть ли не до крыши. В нетопленном сарае с инвентарём долго не провозишься. А тут праздники один за другим. Рождество, Новолетие, Крещение, и пошло-поехало. Перестали даже различать, где сама пьянка, а где после неё похмелье.

Антон и Трофим словно не замечали друг друга. И в курене, прохаживаясь рядом по соседним скрипучим половицам, и в сенях, разбрасывая валенки по разным углам, и во дворе, когда тропили разные пути на маленьком, продуваемом всеми зимними ветрами пространстве.

Трофим, как бы невзначай, оставил на столе у окошка местную газету новых властей с длинным названием «Известия Областного военно-революционного комитета Донской области» за номером вторым.